

Глава 1

Несусветная чушь

Шёл шестой год эры Шэндэ. Знамя Чию явилось на севере, Звезда Года — на востоке.

Грянула война, гибли полководцы, земля пылала в огне, а звезда Цзывэй задрожала, готовясь покинуть своё место...

У ворот города Пиньяна медленно двигалась очередь на въезд. К самому её концу подкатила невзрачная повозка, запряжённая ослом. Чувствуя, что ход замедлился, из-за грубого полога высунулась вихрастая голова мальчишки лет четырнадцати-пятнадцати, чей наряд сразу выдавал в нём слугу.

Увидев, что они наконец добрались до городских врат, юноша радостно нырнул обратно и воскликнул:

— Господин, мы на месте! Мы в Пиньяне!

В нынешние времена знатные мужи предпочитали кареты, запряжённые лошадьми или быками. На ослиных повозках — тесных, часто лишённых даже крыши — путешествовали лишь простые торговцы да безродные бедняки. Естественно, стоящие в очереди люди от нечего делать с любопытством заглядывали внутрь.

Стоило им заглянуть, как они замирали на месте, не в силах отвести глаз.

Внутри повозки, прислонившись к деревянному борту, полулежал молодой господин. Его красота казалась почти неземной: изысканные черты лица и общая утончённость образа вызвали мысли о небожителе, сошедшем на землю. Юноша был болезненно бледным, дыхание его казалось едва уловимым — было ясно, что он нездоров.

В город пешком ходили в основном неграмотные простолюдины. Они не знали пышных метафор и красноречивых оборотов, поэтому в их сердцах рождалась лишь одна простая, искренняя мысль.

«До чего же хорош!»

В этот момент юноша, доселе дремавший, открыл глаза. Тёмные, как вороново крыло, ресницы дрогнули, обнажив чистый и безмятежный взгляд. В его облике сквозила некоторая холодность, но окружающие легко прощали это — божественная красота искупала любой

изъян.

Едва он попытался сменить положение, как слуга тут же подхватил его под руки, помогая сесть. Но даже этой малости хватило, чтобы Сяо Жун зашёлся в тяжёлом кашле. Звук этого кашля, идущего из самой глубины поражённых недугом лёгких, заставлял сердца случайных свидетелей сжиматься от боли.

В эпоху, когда обычная лихорадка могла в одночасье свести в могилу, восхищение в глазах толпы быстро сменилось состраданием.

Убедившись, что на старых городских воротах действительно висит табличка с надписью «Округ Пиньян», Сяо Жун наконец немного расслабился. Весь этот путь он не смел останавливаться, изнуря своё немощное тело бешеной гонкой, и вот, по милости Небес, цель достигнута.

Сердце его затрепетало от волнения. Путь выдался слишком тяжёлым, и, не дождавшись въезда в город, он поспешил разузнать главное. Оглядевшись, молодой человек выбрал пожилую женщину с добрым лицом и, придерживаясь за борт повозки, обратился к ней:

— Матушка, не подскажете ли, Чжэньбэй-ван обосновался в самом Пиньяне или в лагере за городскими стенами?

Сяо Жун полагал, что об этом знает каждый встречный. С такой славой, как у Чжэньбэй-вана, его местонахождение не могло быть тайной. Если государь сейчас при армии, то и в очереди стоять незачем.

Старушка не обманула ожиданий — она действительно знала, где находится правитель. Опешив от того, что столь прекрасный, похожий на святого человек заговорил с ней, она польщённо затараторила:

— Чжэньбэй-ван? Так он же несколько дней как увёл войско. Сказывают, пошёл Усуней воевать.

Она говорила искренне, желая помочь, но стоило Сяо Жуну услышать ответ, как улыбка на его лице мгновенно застыла.

— ...Уехал? Снова уехал?!

Он резко подался вперёд, и его голос сорвался на крик, в котором смешались ярость и отчаяние:

— Я гнался за ним от Синьяня до Хуайиня, из Хуайиня в Лянчжоу, а из Лянчжоу в этот проклятый Пиньян! И теперь вы говорите мне, что он... ОПЯТЬ... УЕХАЛ?! Небо издевается

надо мной, или это его личная шутка?! Я преодолел три тысячи ли! Ладно... Хорошо! Уехал, значит? Ну так говори, матушка, куда?! На восток, на юг, на запад, на север, в центр, в небо, в землю — где он, отвечай!

Старушка лишилась дара речи. Она и остальные крестьяне в ужасе попятились. Лик юноши искажился в неопишуемой гримасе, он вцепился пальцами в борта повозки и высунулся наружу так далеко, что казалось, сейчас бросится на людей и загрызёт их живьём.

Однако прежде чем женщина успела вымолвить хоть слово, Сяо Жун внезапно замер. Лицо его побелело, привычная слабость волной затопила тело, и в следующую секунду он, закатив глаза, рухнул без чувств.

— Господин! — вскрикнул А Шу, бросаясь к нему.

Подхватив обмякшее тело, слуга услышал, как теряющий сознание Сяо Жун едва слышно, из последних сил, прохрипел свою «последнюю волю»:

— Цюй Юньме... подлец... я... я убью тебя!

А Шу только и смог, что тяжело вздохнуть.

В то же самое время в двухстах ли от Пиньяна, под стенами города Аньдин, раскинулся лагерь армии Чжэньбэй.

Слухи, дошедшие до старушки, были не совсем верны. Чжэньбэй-ван выступил в поход вовсе не против Усуней — те уже давно притихли. Поводом стали хунну, решившие попытаться счастья и вернуть былое влияние. Впрочем, их войско насчитывало всего пару тысяч человек и не представляло серьёзной угрозы. Такое мелкое дело не требовало личного присутствия великого вана, но Цюй Юньме просто не желал оставаться в Пиньяне и слушать бесконечное занудство придворных. Маленькая война была для него предлогом развеяться. Кто же знал, что даже в походе ему не дадут покоя.

Нынешнее положение дел в Поднебесной было сложным: страна фактически раскололась надвое по линии реки Хуай. Юг находился под властью династии Юн, которую называли «законной» — Южная Юн. Север же последние десять лет терзали набеги варваров и распри военных клик, пока в этом году армия Чжэньбэй, подобно сокрушительному вихрю, не объединила эти земли. Цюй Юньме, нося титул Чжэньбэй-вана, не провозглашал себя императором и не вводил собственного девиза правления, но фактически он был полноправным властелином севера.

Существовали и другие мелкие силы, и племена дикарей, но на слуху были лишь двое:

восьмилетний император Южной Юн и прославившийся в ранней юности Цюй Юньме. Смутные времена рожают героев, а герои ищут либо трон, либо мудрого покровителя. Поэтому каждый день в лагерь армии Чжэньбэй прибывали люди, желавшие предложить свои услуги правителю.

Сегодняшний гость был человеком известным. Поговаривали, что он занимал пост инспектора Цзиньнина, а мать его происходила из знатного клана Цзин из Улина. Сам он никогда не служил советником, но считал Чжэньбэй-вана величайшим героем современности.

Цюй Юньме велел впустить его. Хозяин встретил посетителя без особого радушия, но и не холодно: распорядился подать чай, указал на место — словом, проявил должное уважение. Пока гость красноречиво распинался, Цюй Юньме терпеливо слушал.

Поначалу тот заметно нервничал. Вид великого вана внушал трепет: ростом он был в восемь чи и обладал суровой, мужественной красотой. Однако из-за бесчисленных сражений от него исходила столь мощная аура жажды крови, что скрыть её было невозможно. Впрочем, Цюй Юньме и не пытался. Он сидел в позе завоевателя, широко расставив ноги, и хотя поза казалась расслабленной, носки его сапог были направлены на гостя — скрытая угроза, предвещающая мгновенную атаку.

Казалось, в любой миг этот человек может взорваться яростью.

Однако, встретив безупречную вежливость хозяина, гость успокоился. Ему показалось, что с Цюй Юньме легко договориться. Он начал излагать заготовленную речь, и, видя поощряющую улыбку вана, воодушевился. Гость принялся рассуждать о текущем положении дел, а заметив, что улыбка Цюй Юньме стала шире, окончательно поверил в успех и выложил всё, что думал о решении государственных проблем.

Когда он наконец закончил, горло его пересохло. Цюй Юньме поднял руки и, усмехнувшись, трижды хлопнул в ладоши:

— Прекрасное суждение, господин.

Гость скромно склонил голову:

— Ну что вы, если Великий ван не побрезгует...

Он не успел договорить последнее слово. Перед глазами сверкнула сталь. Раздался резкий звон, и голова советника с застывшим на лице недоумением покатила по земле.

Цюй Юньме буднично убрал длинный клинок в ножны и снова сел, не выказав ни единой эмоции. Пинком он отшвырнул ещё тёплую голову, откатившуюся к его сапогам, взял кусок кожи и принялся неспешно стирать кровь с лезвия.

Стоящие рядом гвардейцы не смели даже вздохнуть. Они молча подошли, подхватили тело и голову, и вынесли вон.

Когда за ними закрылся полог, ван остался в шатре один. Пятна крови на полу и тяжёлый металлический запах в воздухе были для него делом привычным. Его совершенно не заботило, что он убил известного человека, связанного с великими кланами.

Закончив чистить меч, он поднялся и подошёл к луже крови. Глядя на алые брызги, Цюй Юньме не ощутил ни тени раскаяния. Он лишь холодно усмехнулся и презрительно бросил:

— Обезьяна в короне... Крыса трусливая. Сразу видно — книжный червь.

Вечер в Пиньяне.

Сяо Жун лежал в постели с видом человека, которому опостылела сама жизнь. Он не понимал многого. Не понимал, как докатился до такого состояния, и не понимал, почему его «благодетель» Цюй Юньме так упорно ищет смерти.

В учебниках истории, которые он читал, не было подробностей о каждом шаге или слове великого вана. Сяо Жун помнил все ключевые даты, но каждый раз попадал впросак в те моменты, о которых хроники умалчивали.

Вот как сейчас: шестой год эры Шэндэ — пик могущества Цюй Юньме. Он объединил север, разгромил Усуней и хунну, заключил мир с государством Шаньшань, а его заклятые враги — племя Мужун — доживали последние дни. Он был героем, равных которому не было. По логике, сейчас у него всё должно быть прекрасно. Так почему же он продолжает вести себя как безумец?

Молодой человек не понимал, зачем Цюй Юньме занимается саморазрушением, и тем более не понимал, чем руководствовалась Система, когда заявила, что именно он имеет больше всего шансов изменить судьбу этого человека.

«Неужели только из-за знаний истории? — Сяо Жун вздохнул. — Знал бы я — лучше бы мультики смотрел вместо хроник...»

Пока он предавался унынию, дверь открылась. А Шу вошёл в комнату, неся поднос с едой.

— Господин, поешьте немного. Я всё разузнал: Чжэньбэй-ван уехал всего пару дней назад. Если поспешим, то ещё сможем его нагнать.

Сяо Жун промолчал. Опять догонять?!

У этого Цюй Юньме тяга к жизни была нулевой, зато ноги — как у чемпиона по бегу! Сяо Жун уже харкал кровью от этой гонки, а всё никак не мог его настичь. При том, что ван вёл за собой огромную армию, а он был лишь с пареньком-слугой.

— Нет, остаёмся здесь, — Сяо Жун помрачнел, меняя тактику. — Я всё обдумал: то, что навязывают силой, ценится мало. С этого дня я больше не буду за ним бегать. Я сделаю так, чтобы он сам пришёл ко мне. Нет — чтобы он приполз и умолял меня!

Всё равно догнать не получится. Раз уж суждено страдать от слабости, лучше делать это в уютном постоялом дворе. Он не верил, что со знаниями за полторы тысячи лет вперёд не сможет обвести вокруг пальца древнего грубияна.

А Шу привык во всём слушаться господина и не стал спорить. Возница, получив расчёт, тоже отправился восвояси. По случайности этот человек часто бывал в крупных городах и был знаком с местным слугой. Тот отвёл приятеля в сторонку и принялся расспрашивать о Сяо Жуне.

— До чего ж ладный господин! Не иначе как из великого рода? Я ему воду носил, так он поблагодарил меня — я аж растерялся!

Возница посмотрел на него со смесью сочувствия и досады:

— Эх ты, парень... Не забывай: внешность обманчива.

Слуга опешил:

— Что такое? Неужто внутри у него гнильца?

Возница вздохнул, огляделся по сторонам и выложил всё, что накопилось за долгий путь.

— Ещё какая! Я в жизни таких не видывал. С лица-то он пригож, да только изъянов в нём — не счесть. Во-первых, нежный, как девица: чуть сильнее лицо вытрет — кричит, что больно; повозку на кочке качнёт — стонет так, будто я ему жизнь испортил. Во-вторых, до того хлипко — каждые три дня в обморок падает, каждые пять — кровью кашляет. В-третьих, характер — упаси боги! Никакого благородства, одна желчь, как у рыночной торговки. В-четвёртых, скаредный до жути: за каждую мелочь торгуется в трёх лавках, за одну монету готов расчёты до утра вести. В-пятых, со странностями он: как ни проснётся — всё что-то высчитывает на пальцах, бормочет под нос всякую чушь. Явно болезнь в голову ударила, не иначе. В-шестых...

Слуга уже не знал, куда деваться от этого потока:

— Да неужто есть ещё что-то?!

Возница понимающе похлопал его по плечу:

— Знаешь, путь был не таким уж и тяжким. Сяо Жун и вправду невероятно красив. Глянешь на его лицо — и за эту красоту любые его причуды готов терпеть.

В то же время в шатре Чжэньбэй-вана не утихали споры. Спустя долгое время полог откинулся, и из шатра вышел пожилой мужчина в одеждах учёного. Это был Гао Сюньчжи. Он тяжело вздохнул и направился к себе, где его уже ждал генерал Цзянь Цяо.

— Господин Гао, ну что?

— А, это вы, генерал Цзянь. Великий ван сказал, что тот человек предложил ему «признать корни» и посмертно почтить отца, великого генерала Цюя, китайскими титулами. Чтобы показать свою преданность Чжунъюаню.

Цзянь Цяо помрачнел:

— Понятно... Значит, не зря он голову сложил.

Наш правитель был плодом союза китайца и иноплеменницы. Советник, по сути, завуалированно предложил ему отречься от половины собственной крови. Мало того — сородичи матери Цюй Юньме сражались бок о бок с ваном долгие годы. Отречься от крови значило предать и их. Ван никогда бы так не поступил.

Гао Сюньчжи выглядел подавленным. Он был учёным и понимал последствия.

— Стоит слухам об этом разойтись, и мы ещё долго не увидим достойных людей, желающих служить Великому вану. Поэтому нам нужно действовать на опережение. Советников при ване слишком мало. Генерал Цзянь, вас отправляют назад, на заставу Яньмэнь. Там вы должны будете подыскать талантливых людей. Нам всё равно, откуда они — если есть истинный талант и знания, мы их примем.

Уже когда генерал собрался уходить, Гао Сюньчжи окликнул его:

— Хотя происхождение не важно, мы всё же должны учитывать вкусы самого Великого вана. Послушайте мои наставления.

Цзянь Цяо вытянулся во фрунт:

— Слушаю, господин Гао!

— Во-первых, Великий ван не выносит изнеженных людей. Кандидат ни в коем случае не должен вести себя как капризная девица. Во-вторых, он должен быть крепок телом. Великий ван терпеть не может этих хлюпиков, что харкают кровью через каждые три шага. В-третьих, советник должен быть человеком спокойным и мягким. Сами знаете, Великий ван ценит уступчивость, а если притащить упрянца — они тут же за мечи схватятся. В-четвёртых, ван ненавидит крохоборов. Помните: никаких корыстолюбцев. В-пятых, сейчас процветают Учение Чистого Ветра и Буддизм с Даосизмом, но тех, кто спасает людей — мало, а тех, кто берёт деньги — много. Тех, кто без умолку болтает о богах и знаменьях, — гнать в шею. В-шестых...

— Господин Гао... — взмолился Цзянь Цяо. — Неужели есть что-то ещё?!

— Последнее. И самое важное. Уродлив человек или простодушен — не беда. Но он ни в коем случае не должен быть красив. Наш господин питает к красивым мужчинам особо сильное отвращение. Если вы приведёте такого красавчика, накажут и нас с вами.

Цзянь Цяо невольно покосился в сторону шатра вана. Вспомнив привычки господина, он угрюмо кивнул.

Когда генерал ушёл, Гао Сюньчжи остался один.

— Ха! — невольно усмехнулся старик. — Чтобы нашёлся кто-то, в ком собрались бы сразу все эти пороки... Это была бы несусветная чушь. Такого просто не бывает.

<http://bllate.org/book/15355/1412240>